

УДК 821.161.1-31.09

DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-21-33

«ВОЙНА И МИР» Л. Н. ТОЛСТОГО: ПОЛИЖАНРОВЫЙ КОНТЕКСТ, ЭПОС, МИФ И РИТУАЛ

Полтавец Е. Ю.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, Второй Сельскохозяйственный пр-д, д. 4, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть жанровое своеобразие «Войны и мира» Л. Толстого в полижанровом контексте древнего эпоса, а также на фоне мифа и ритуала.

Процедура и методы. В исследовании применяются мифореставрационный, сравнительный и культурно-исторический методы. Проведён анализ взглядов исследователей на жанр «Войны и мира» Л. Толстого.

Результаты. Проведённый анализ показал, что жанровыми аналогами «Войны и мира» являются Библия и «Махабхарата» в большей степени, чем эпос Гомера. «Война и мир» не есть исключительно эстетическое явление, это ещё и религиозно-дидактический эпос с инициатически-историософской прагматикой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Введены предложения по более углублённому исследованию особенностей сакральных текстов. Для поэтики сакральных текстов характерны такие приёмы, как анаграммирование, паронимическая аттракция, имплицатуры, введение иноязычных слов. Эти приёмы играют определённую роль и в поэтике «Войны и мира». Обобщён материал по сравнению мотивной и образной структур древнего эпоса и эпоса Толстого.

Ключевые слова: «Война и мир», жанр, индуизм, ритуал, типологические исследования, эпос

L. N. TOLSTOY'S "WAR AND PEACE": MULTIGENRE CONTEXT, EPIC, MYTH AND RITUAL

E. Poltavets

Moscow City University

Vtoroy Selskhoziazjstvenny proezd 4, Moscow 129226, Russian Federation.

Abstract

Aim. To consider the genre originality of L. Tolstoy's "War and Peace" in the multigenre context of the ancient epic, as well as against the background of myth and ritual.

Methodology. The research uses the method of myth reconstruction, comparative and cultural-historical methods. The analysis of researchers' views on the genre of "War and Peace" by L. Tolstoy is carried out.

Results. The analysis has shown that the genre analogs of "War and Peace" are the Bible and "Mahabharata" to a greater extent than Homer's epics. "War and Peace" is not an exclusively aesthetic phenomenon, it is also a religious-didactic epic with initiatory-historiosophic pragmatics.

Research implications. Proposals for a more in-depth study of the features of sacred texts are introduced. Such techniques as anagramming, paronymic attraction, implicatures, and the introduction of foreign words are characteristic of the sacred texts poetics. These techniques also play a certain role in the poetics of "War and Peace". The material comparing the motif structure and the image one of the ancient epic and Tolstoy's epic is summarized.

Keywords: "War and Peace", genre, Hinduism, ritual, typological studies, epic

Введение

Синопис жанровых концепций «Войны и мира» Л. Н. Толстого занял бы значительную часть статьи, но краткий обзор различных жанровых дефиниций великой книги необходим для введения в разговор о её полижанровом контексте. Главное о жанре своего произведения сказал сам Толстой, обозначая этот жанр как «книга» (в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир», 1868¹), а порой – как «писание», например, в письме А. А. Фету². Именно в связи с «Войной и миром» Толстой сформулировал свои знаменитые парадоксы о том, что русские не умеют «писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе»³, что историческая тема заставляет его «руководиться историческими документами, а не истиной»⁴, и что романом его собственное произведение назвать нельзя, потому что он старался, чтобы «каждая часть сочинения имела независимый интерес»⁵. Эти парадоксы получали различные интерпретации в толстоведении. Изучая метод Толстого, исследователи также обращали внимание, с одной стороны, на заявления автора «Войны и мира», что «военный человек всегда лжёт»⁶ и что написанные в таком духе исторические работы он, Толстой, «жёт» бы и «казнил авторов»⁷ (эта отчаянная гиперболизация доверена у Толстого только черновикам), а с другой стороны – на дипломатично прописанное в опубликованной статье завершение: «...Я не выдумывал, а пользовался

материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг»⁸ (курсив Толстого. – Е. П.). Эта тавтологически охарактеризованная «библиотека книг» бережно хранилась в Ясной Поляне, несмотря на предложение «жечь» и «казнить».

Апофатически определяя в опубликованной статье жанр «Войны и мира» («это не роман, ещё менее поэма, ещё менее историческая хроника»⁹), Толстой, скорее всего, старался подчеркнуть то, что опыт в жанре романа, поэмы и т. д. не был для него целью творчества уже на стадии замысла (та же идея выражена и в не публиковавшихся Толстым вариантах предисловия). Творец тем глубже осознаёт своё новаторство, чем больше соотносит его с традиционной и господствующей системой, причём Толстой, начиная уже после трилогии, «Казаков», «Войны и мира» работу над «Анной Карениной», опять сопоставляет свой новый замысел с известными жанрами и на этот раз неожиданно (может быть, и для самого себя) приходит к выводу: «Роман этот – именно роман, первый в моей жизни»¹⁰.

В отечественном литературоведении XX в. в традиционной системе жанров стали определять «Войну и мир» как «роман-эпопею» (А. В. Чичерин, Л. Д. Опульская, Н. Н. Апостолов (Арденс), хотя в ранних работах он говорил об этом произведении как о «реальном русском историческом романе» [1, с. 241], рассматривая его на фоне вальтерскоттовской традиции и исторического романа в русской литературе и находя, что «спор о том, что такое “Война и мир”, роман ли это, эпопея ли и т. д., давно начатый в нашем литературоведении, всегда заканчивался либо полным отказом от таких определений, либо ни к

¹ Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 16. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 6–17.

² Толстой Л. Н. А. А. Фету. 1866 г. Ноября 7. Я. П. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 61. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. 149.

³ Толстой Л. Н. Вступления, предисловия и варианты начал «Войны и мира» // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 13. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1949. С. 54.

⁴ Там же. С. 53.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Там же. С. 90.

⁸ Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 16. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 13.

⁹ Там же. С. 7.

¹⁰ Толстой Л. Н. Н. Н. Страхову. 1873 г. Мая 11. Я. П. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 62. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. С. 25.

чему не ведущими фигуральными обозначениями произведения Толстого, – то нашей “Илиадой” и “Одиссеей”, то другими именами» [1, с. 195]). В качестве «романа-эпопеи» рассматривается «Война и мир» и в коллективной монографии ИМЛИ РАН «Л. Н. Толстой: нравственный поиск и творческая лаборатория» [14].

Термин «роман-эпопея» с его монументальностью и солидностью в эпоху «социалистического реализма» устраивал почти всех (за рубежом он не был принят), и действительно, другие дефиниции, например, предложенная Н. К. Геём («роман-поток» [3, с. 127]), так и остались поэтическими сравнениями. Некоторые оговорки вносились и в подходы к термину «роман-эпопея». Так, Г. Н. Поспелов, называя «Войну и мир» «романом-эпопеей», обращал при этом внимание, что, по мнению ряда исследователей, термин «эпопея» «за пределами героического эпоса ... можно употреблять только метафорически»¹. С точки зрения С. И. Кормилова, «первый в мировой литературе роман-эпопея – “Война и мир”»², но всё же «роман-эпопея – синтетический жанр Нового времени, парадоксально объединяющий противоположные признаки»³. Г. Д. Гачев термином «роман-эпопея» не пользовался, а определение «эпопея» ставил рядом с определением толстовским: книга. По Гачеву, Толстой «не задавался целью писать эпопею» [2, с. 117]. Учёный делал чрезвычайно важный вывод о жанре «Войны и мира»: «Получилась форма, близкая к жанру национальной Книги (Библии)» [2, с. 118].

К сожалению, этот вывод тогда ещё не мог послужить импульсом для рассмотрения «Войны и мира» через призму библейской или античной мифологии. Монография Гачева (1968) [2] содержала сопоставления «Войны и мира» лишь с гомеровским эпосом. Эпическую (гоме-

ровскую) основу толстовской книги раскрывал в неопубликованных при жизни черновых работах и Р. Г. Назиров (1972) [9]. Именно работы этих исследователей, посвящённые не общим эпопейным принципам, а конкретным сопоставлениям поэтики эпизода, персонажной и мотивной системы, композиционных приёмов толстовской книги с теми же особенностями гомеровских поэм, могли бы послужить вдохновительным примером для исследователей и началом перехода от типологических исследований эпоса к мифопоэтическим его исследованиям. Однако, сделав своим девизом знаменитое высказывание Т. Манна об «эпосе – как примитивном прообразе романа» [8, с. 279], отечественное толстоведение создало почти культ романа-эпопеи, провозгласив главным качеством и главным достижением этого жанра такую ускользающую и размытую характеристику, как «становление характеров главных героев ... на широком национально-историческом фоне»⁴, и практически уходя от поиска (который был начат в работах Гачева и Назирова) подробных сюжетных и мотивных параллелей между «Войной и миром» и древними эпопеями, не говоря уж об изучении мифологической основы эпических произведений.

Не очень много к освещению темы гомеровского в «Войне и мире» добавила работа В. Е. Хализева и С. И. Кормилова (1983), придерживающихся термина «роман-эпопея», зато исследователи заметили нечто ещё более важное: «Было бы натяжкой считать культурную ориентацию Войны и мира восточной, но черты общности между смыслом этого романа и чертами духовного бытия стран Востока несомненны. Есть в толстовском романе нечто родственное и японскому принципу югэн ... , и буддийской культуре дзэн...» [16, с. 60]. Призыв к рассмотрению «черт общности» не был услышан, да и не только в идейной структуре, думается, следовало их искать. Типологическое сопоставление с восточ-

¹ Поспелов Г. Н. Эпопея // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. Стб. 926.

² Кормилов С. И. Роман-эпопея // Современный словарь-справочник по литературе. М.: Олимп: АСТ, 1999. С. 427.

³ Там же. С. 426.

⁴ Поспелов. Эпопея // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М.: Советская энциклопедия, 1975. Стб. 926.

ными древними эпопеями, в первую очередь с «Махабхаратой», а также с некоторыми учительными буддийскими текстами вполне возможно на сюжетно-фабульном, образном и мотивном уровнях, о чём придётся говорить ниже.

Среди современных подходов к вопросу о жанре книги Толстого нельзя не отметить два противоположных, но связывающих «Войну и мир» с эпосом. В коллективной монографии о жанре романа «Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский» (2022) предложено определение: «эпический роман». Выделяя феномен «эпического романа», авторы рассматривают этот роман как «доминантную, вершинную жанровую форму» [15, с. 6] в отечественной литературе второй половины XIX в. Однако монография посвящена не только «Войне и миру», но и другим романам Л. Н. Толстого (за исключением «Семейного счастья»), а также романам И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского. Такой широкий охват, конечно, не позволяет конкретизировать своеобразие названной жанровой формы, к тому же, с точки зрения хрестоматийного деления на роды (эпос, лирика, драма) эпическим жанром является любой роман (строго говоря, кроме лиро-эпического), поэтому термин «эпический роман», принятый авторами монографии вслед за работами Н. Л. Лейдермана, создаёт впечатление плеоназма. Эпическое начало в романе может быть сколь угодно мощным; идеологические и эстетические разногласия в воззрениях на эпическое, героическое и другие категории эстетики могут вызывать научную полемику, а также справедливое желание освободиться от давления, но это не отменяет необходимости стремиться к картезианской строгости в терминологии.

В монографии В. А. Недзвецкого (1997), не принявшего термина «роман-эпопея», был предложен другой синкретический термин именно для жанра «Войны и мира» – «романический эпос» [10, с. 231].

Два жанровых определения: «эпический роман» и «романический эпос» – выстраиваются в занимательный хиазм, но нам кажется, что термин «романический эпос» обладает несомненно большей функциональностью: 1) исследователь, предложивший термин, напоминает о возможности и необходимости «типологического сопоставления определённых картин и лиц» [10, с. 236–237] в гомеровском и толстовском эпосе; 2) вслед за Гачевым подчёркивает импликацию Библии в определении Толстого («книга»); 3) и самое важное: раскрывает толстовское определение («книга», «писание») как указание на «огромный учительный потенциал романа, в этом аспекте соизмеримого с Библией» [10, с. 236]. Добавим, что сопоставление с Библией открывает перспективу рассмотрения «Войны и мира» на фоне не только гомеровского, но и религиозно-дидактического эпоса, такого, как «Махабхарата».

На фоне гомеровского и религиозно-дидактического эпоса

Итак, в работах Г. Д. Гачева, Р. Г. Назирова, В. Е. Хализева, С. И. Кормилова, В. А. Недзвецкого были сформулированы главные принципы подхода к вопросу о жанре «Войны и мира». Это тщательное и подробное рассмотрение типологических сходжений с древними эпопеями, это учёт общности с «чертами духовного бытия» Востока, это раскрытие «учительного потенциала» «книги» (задуманной и созданной по образцу сакральных текстов).

«Гомеровское» в «Войне и мире» увлекательно расшифровывается и Гачевым, и Назировым – при этом исследователи не настаивают, разумеется, на разграничении аспектов влияния и типологических параллелей. Так, в монографии Гачева находим сопоставления таких сюжетных узлов, как гнев Ахилла и опала Кутузова (Назирова в этом ключе рассматривает решение Андрея Болконского не служить в армии и его же командование полком в 1812 г.), эпизод усмирения Терсита Одиссеем и бунт в Богучарове, усмирён-

ный Николаем Ростовым. Оставленная жителями и армией Москва проецируется на осаждённую Троию, партизанская война аналогична троянскому коню. На стороне троянцев выступает река Скамандр, на стороне русского народа – лес и мороз. «Воля и помощь богов – скрытая теплота патриотизма, т. е. надличная сила» [2, с. 122], – поясняет Гачев один из основных концептов «Войны и мира» на фоне древнего эпоса. Высказанные учёным предположения о генезисе и функциях гомеровских сравнений, а также о влиянии их на поэтику Толстого (на наш взгляд, это присущая гомеровской эпопее структура описаний и экфрасиса, в толстовском эпосе породившая поэтику остранения) должны быть осмыслены и развиты в дальнейших исследованиях.

По Назирову, гомеровские сцены на Олимпе заменяются у Толстого историко-философскими отступлениями. «Они выполняют обобщительно-скрепляющую функцию и придают событиям высший смысл» [9]. Участие природы изображается в аустерлицких облаках, дожде на поле Бородина. Назиров соотносит князя Андрея с Ахиллом, Пьера – с Одиссеем, Наташу – с Пенелопой. Здесь можно поспорить, т. к. в «Илиаде» и в мифе побег Елены с Парисом приводит к войне, соответствующим образом в «Войне и мире» задуманный Наташей побег с Анатолом знаменует конец мирной жизни в финале второго тома, третий же открывается знаменитым зачином о войне, на которой «миллионы людей-христиан убивали и мучили друг друга»¹. С образом Элен Курагиной (и особенно со сценами в гостиной Шерер) связан также интереснейший гомеровский и мифологический реминисцентный фон, проанализированный М. Л. Гаспаровым в монографии «Литературные лейтмотивы» (1994). Сравнительный анализ структуры батальных эпизодов «Илиады» и «Войны и мира» провели В. Е. Хализев и С. И. Кормилов.

¹ Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940. С. 4.

Этот беглый обзор концептуальных исследований, к которым отсылаем читателя, преследует цель не столько напомнить о гомеровских параллелях, сколько поставить вопрос о типологических сходениях с древним эпосом. Гомера Толстой читал и перечитывал, восхищался им и сопоставлял свои произведения с гомеровским эпосом. О знакомстве Толстого с «Махабхаратой» до или во время работы над «Войной и миром» нам не известно ничего. Однако это не значит, что «романический эпос» Толстого не может быть рассмотрен в контексте «Махабхараты». (Вопрос о возможном знакомстве Толстого ещё в молодые годы с «Бхагавадгитой», русский перевод которой входил в число масонских изданий Н. И. Новикова (1788), остаётся открытым. В то же время в молодости Толстой познакомился с сочинениями Платона; влияние ведизма на платоновского «Тимея» предполагал ещё К. Г. Юнг. Знакомство с философией А. Шопенгауэра, которая могло усилить интерес Толстого к восточной мудрости, состоялось уже на последнем этапе работы над «Войной и миром», в 1869 г.)

Наиболее проникательный из критиков, сразу же откликнувшихся на выход «Войны и мира», П. В. Анненков, в своей статье «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого “Война и мир”» (1868)² сравнивал многообразие картин и обилие персонажей с перевоплощениями индийского Вишну. На восточную ориентацию «Войны и мира» обратили внимание (правда, с большим сожалением) Н. Д. Ахшарумов (1869) и Н. В. Шелгунов (1870). В 1890 г. К. Н. Леонтьев уподобил произведение Толстого Брамме, индийским многоголовым и многоруким изваяниям и даже выразился так: «Именно – слон! Или, если хотите, ещё чудовищнее, – это ископаемый *сиватериум* во плоти – сиватериум, которого огромные черепа хранятся в Индии, храмах бога Сивы. И хобот, и громадность, и клыки, и сверх клыков

² См.: Анненков П. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого: Война и мир // Вестник Европы. 1868. № 2. С. 774–795.

ещё рога, словно вопреки всем зоологическим приличиям» [6, с. 23] (выделено Леонтьевым. – Е. П.).

Ромен Роллан в книге «Жизнь Толстого» (1911)¹ прямо объявлял, что толстовская философия рока заставляет его представлять себе Кришну и что «Война и мир» ждёт сравнения не только с «Илиадой», но и с индусскими эпосами. В наши дни связи Толстого с индийской культурой и религиозной философией освещались в работах Д. В. Бурбы, С. Д. Серебряного, С. Я. Меделян, Ю. В. Прокопчука; ставился вопрос о вездизме Толстого (В. Б. Сокол). Однако все эти исследования посвящались в основном религиозно-философским сочинениям Толстого, идейной структуре «Круга чтения» и т. д., но почти не затрагивали художественные произведения, тем более «Войну и мир». Только в докладе индийской исследовательницы Р. Баласубраманиан на V Международной научной конференции «Лев Толстой и мировая литература» (Ясная Поляна, 12–16 августа 2007 г.)² прозвучали сопоставления некоторых мотивов и героев «Войны и мира» (и даже самого Толстого) с мотивами и героями «Махабхараты».

В отличие от гомеровского, «Махабхарата» является не просто героическим, но и религиозно-дидактическим эпосом. Как и Библия, она представляет собой целую литературу, включая в себя множество сюжетных линий и неопишное жанровое разнообразие: притчи, наставления, проповеди, молитвы, ритуалы, пророчества, батальные картины, песни о любви, образцы медитации, философские и религиозные трактаты, среди которых особое место принадлежит «Песни Господа» – «Бхагавадгите». Для европейца «Махабхарата» эпос, но для индуса это ещё и священная книга индуизма, поэтому с точки зрения жанровой прагматики и в

структурном отношении «Махабхарата» ближе к Библии, чем к античной и любой другой героической эпосе. Религиозно-философская дидактика «Войны и мира», небывалая ни в романе, ни в эпосе, поразившая наиболее пронизательных современников Толстого, заставила их высказывать догадки о родстве этого произведения с индуистским эпосом. Если австрийский индолог М. Винтерниц назвал «Махабхарату» из-за её необычайной поэтики «литературным чудовищем» [цит. по: 4, с. 172], то ведь к такой точке зрения на «Войну и мир» был близок и один из наиболее тонких истолкователей романа Толстого К. Н. Леонтьев.

Уникальность «Махабхараты» среди всего древнего эпоса даже не в объёме, а в сплаве героического эпоса со священными текстами. Индологи полагают, что героический индийский фольклор совмещался с религиозно-дидактическими текстами уже на ранних этапах формирования индуистского эпоса. Замысел «Войны и мира» с самого начала был замыслом не историческим, а синкретическим – религиозно-этическим и историософским. «Характерное для древнего эпоса изображение войны, кризисной ситуации приобретает у Толстого новый смысл в силу того, что в "Войне и мире" кризисная ситуация не столько бытийная, сколько религиозно-мировоззренческая» [11, с. 101], изображение героической эпохи, как и в «Махабхарате», подчинено задаче создания вероучительного текста. Эта особенность идейной структуры роднит произведение Толстого с «Махабхаратой» и отделяет от всех других эпосов. В «Махабхарате» сюжет о распре Пандавов и Кауравов (имеющий историческую основу) служит цели выдвинуть на первый план мифо-ритуальный и сотериологический смысл. Если в «Илиаде» Ахилл идёт воевать в Троию ради славы, то в «Махабхарате» первоначальное стремление Юдхиштхиры и его братьев отвоевать вероломно отнятое царство постепенно перерастает в нравственное и философское осмысление этики индуистского «незаинтересованного деяния», пропагандируемого Кришной в «Бхагавадгите». Близок к этому

¹ См.: Роллан Р. Жизнь Толстого / пер. С. Варшамова; под ред. С. Карцевского. Берлин: Нева, 1923. 197 с.

² Balasubramanian R. Толстой и индийское философское мышление ("Tolstoy and Indian Philosophical Thought"). См.: Radha Balasubramanian [Электронный ресурс]. URL: <https://modlang.unl.edu/dr-radha-balasubramanian> (дата обращения: 28.08.2023).

толстовский тезис: «Только одна бессознательная деятельность приносит плоды»¹ (ужаснувший многих современников, например, И. С. Тургенева). В «Войне и мире» историческая основа тесно переплетена с религиозно-этическими идеями и толстовской сотериологией, эпика и героика соединены с дидактикой толстовской «практической религии». Андрей Болконский, как и персонажи «Махабхараты», проходит путь от героя до мудреца.

Как и «Махабхарата», «Война и мир» содержит философские гомилетические отступления и такие важные идейные структуры, как мировоззренческие диалоги с мудрецом (Андрея Болконского с Кутузовым, Пьера с Баздеевым и Каратаевым и т. д.). Инициативные и дидактические диалоги, коммуникация с мудрецом, как и в индусской эпосе, завершаются «даром» – открытием нового знания (даже невербальный диалог князя Андрея с дубом или мысленный – Николеньки Болконского с отцом в «Эпиплоге»). Близка поэтика «Махабхараты» и поэтика словесных «агонов» «Войны и мира»: диалоги князя Андрея и Пьера – это ключевые «катехизисы», вопросы и ответы толстовской религиозной этики.

Ритуальное промедление героя перед вступлением в битву в индийской эпосе практикуют и Арджуна, и Карна (во многом соответствующий гомеровскому Ахиллу), кульминационному же диалогу о войне и мире, царящих в мире, т. е. вопросам Арджуны Кришне и провозглашённой Кришной «Бхагавадгите», соответствует диалог Пьера и князя Андрея накануне Бородинской битвы. Бородино, как и Курукшетра, – сакральное поле, на котором происходит битва, завершающаяся иерофанией (дождик в финале описания Бородинского сражения), причём поэтика батальных эпизодов «Войны и мира» ближе к таковой в «Махабхарате», чем в гомеровском эпосе. В «Махабхарате» батальный эпизод почти всегда наполнен сакраль-

ным, посвятельным смыслом, в таких конфликтных ситуациях предъявляется не только восхваление храбрости и силы, а и решение непростой моральной задачи (поединки Арджуны с Дроной и Карной, Бхимы – с Дурьодханой, паломничество Юдхиштхиры к Бхишме перед битвой, падение Ашваттамана на лагерь Пандавов и т. д.). Изображение битвы показано как цепь поединков, это общеэпическая черта, свойственная и гомеровским поэмам. Но только в «Махабхарате» и в «Войне и мире» батальные эпизоды снабжаются религиозно-философскими обобщениями, главные этические и историософские истины рождаются на поле боя, подчёркнута метаситуация обретения нового знания посередине битвы. Разумеется, в «Войне и мире» поединки носят прежде всего моральный характер (Пьер и француз на Бородинском поле, психологическое противостояние Кутузова и Наполеона, стойкость князя Андрея с его полком в резервах и недоумение Наполеона, переходящее в отчаяние, Кутузов и Вольцоген, князь Андрей и Анатолий в госпитальной палатке и т. д.). Индийский и толстовский текст в батальных эпизодах обладает эзотеричностью и может быть прочитан двояко: как профанный и как отсылающий к ритуалу.

Й. Хейзинга (не только философ и историк, но и индолог), остановившись в своём исследовании «*Homo ludens*»² на одном из ключевых эпизодов «Махабхараты» – игре Юдхиштхиры с нечестными Дурьодханой и Шакуни, – приводит в пример также мотив игры и загадывания в творчестве Л. Н. Толстого (не касаясь, впрочем, «Войны и мира»). Однако именно в связи с «Войной и миром» высвечивается типология эпических эпизодов игры, где ставка – женщина (проигрыш Юдхиштхирой не только всего царства, но и его полиандрической жены – Драупади; та же модель реализуется в эпизоде игры Николая Ростова с Долоховым, намеревающимся отнять у Николая Соню). После проигрыша предаются аскезе и изгнанию Юдхиштхира с

¹ Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 12. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940. С. 14.

² См. Хейзинга Й. *Homo ludens*. Человек играющий / пер. Д. В. Сильвестрова. М.: Азбука, 2022. 400 с.

братьями и Николай Ростов, принявший решение безотлучно служить в полку и выплатить долг родителям. В эпосе восприятие игрового ритуала как оправдания собственного гибризма характерно для персонажа с бесчестным типом поведения (Дурьодхана, Шакуни, толстовский Наполеон с его самодовольным уподоблением сражения шахматной партии).

Сюжет «Махабхараты» рассматривается учёными как сюжет гигантского ритуального потлача. Со стороны Пандавов этот потлач сопровождается и кенотическими мотивами: так называемое неузнанное служение Арджуны и Кришны, уход Пандавов из царства в финале. Отступление русской армии в 1812 г., сдача Смоленска, оставление Москвы, недоверие в высших кругах к Кутузову, последовательный отказ князя Андрея от придворной службы также могут рассматриваться как метаситуации потлача и кенозиса. Яркий пример такого поведения – уничтожение своего имущества жителями Смоленска, отъезд княжны Марьи из Богучарова, москвичей (в том числе Ростовых) – из Москвы. Мифоритуальный кенозис – путь к мифологеме ухода в творчестве Толстого. Конечно, оставляя Москву, Кутузов не ждёт ответного самопожертвования от Наполеона, но вознаграждается победой в итоге.

В завершение этого краткого обзора следует отметить, что отдельного исследования ждут такие черты общности поэтики толстовского и индийского эпоса, как ключевая роль паронимических аттракций («йога» в «Махабхарате» и «запрягать – сопрягать» у Толстого и т. п.), установка на криптограммы священного текста (анаграммы, архаизмы, иноязычные слова и т. п.; в «Войне и мире» это ещё и кажущееся неоправданным обилие французского языка).

Мифо-ритуальный и библейский фон

Помимо отсылки к Библии в толстовском определении «книга», библейские зачины и финалы всех крупных произведений Толстого – феномен, требующий осмысления. В «Войне и мире» на первой

странице упоминается «Антихрист», повествовательная же часть «Эпилога» завершается троекратным обращением сына к отцу (Отцу), и местоимение «он» в словах Николеньки Болконского выделено по образцу Библии (курсив – литературный аналог прописной буквы в библейском тексте). Это аллюзия на новозаветную тему Гефсиманского моления. К Евангелию отсылают и антропонимическая система, апокрифическая изменённая (князь Андрей, Пьер – Пётр и княжна Марья), и, разумеется, прямое цитирование Библии, упоминание библейских персонажей и притч. Знаменитый друидический эпизод с дубом может быть прочитан не только в контексте славянской, кельтской и т. д. мифологии, но и в контексте евангельского чуда о смоковнице, причём инверсированного: смоковница засохла, а дуб зазеленел. Возраст князя Андрея (в 1812 г. ему 33 или 34 года) приближен к возрасту Христа, три стола в госпитальной палатке и прощение Анатоля – аналог трёх голгофских крестов и прощения Христом грешника. Изображение последних дней князя Андрея закодировано на евангельской теме вольной жертвы и «птицы небесной», общемифологического и новозаветного символа бессмертной души.

Сознательная и бессознательная ориентация автора «Войны и мира» на жанр «книги» и типологическое сходство с религиозно-дидактическим эпосом (не являясь авраамической религией, индуизм, однако, не лишён, как видим, «священного писания») предполагают постановку вопроса о мифо-ритуальной основе как сакральных текстов, так и «Войны и мира». Интересно, что, не упоминая книгу Толстого, М. Элиаде рассматривал наполеоновское нашествие 1812 г. как пример превращения исторического события в сказочно-мифологическую модель, а исторических персонажей эпохи – в мифологических героев.

Свою «благую весть» Толстой строит в «Войне и мире» с опорой на гомилетические структуры сакральных текстов (им соответствуют, например, т. н. авторские

отступления), выражает в мировоззренческих диалогах своих апостолов (князя Андрея и Пьера), а в особо важных моментах прибегает к ритуальной модели, которая, как и любой ритуал, не должна получить профанное вербальное описание. Так, символическая деталь – перья (на письменном столе Николая Ростова), которые Николенька Болконский приводит в беспорядок, – не только продолжает в «лабиринте сцеплений» тему «птицы небесной», но является в сказочно-мифологическом плане оператором трансфигурации или оживления. Взять в руки перо – просить помощи у богов, получить откровение (в юнгианской мифологии – опереться на бессознательное). Ребёнок с пером – символ появления нового сотериологического учения, «птичье перо обозначает Слово»¹. Таким образом, сюжетная часть «Войны и мира» заканчивается едва ли не самым важным символом, и он закономерно находится в сильной позиции. Несколько раз в сюжетных линиях главных героев моделируются посвятельные, инициационные ритуалы: для князя Андрея это батарея Тушина и последующий эпизод с Багратионом, затем Аустерлиц и противостояние Наполеону, наконец, опыт Бородина; для Пьера – масонские эпизоды и сцена с «божыми людьми» – одна из ключевых в историософской концепции книги, затем Бородино и общение с Каратаевым. Попытка Николая Ростова противостоять Телянину и подать прошение Денисова государю в Тильзите актуализирует реминисцентный фон лабиринтного мифа.

Профанный быт Ростовых украшается эпизодом гадания Наташи и Сони на святаках и забавами с ряжеными. Но более архаический и забытый ритуал (что-то вроде обряда интичиумы) имплицитно в эпизоде посещения дядюшки после охоты – это Наташин танец, выполняющий роль охотничьей пляски, и ритуальное угощение, приготовленное Анисьей (объём статьи не позволяет прокомментировать магиче-

ское значение каждого из перечисленных блюд). Ритуал разделения однодневников имплицитно в эпизоде угощения Пьера Платоном Каратаевым (разрезанной пополам картофелиной). Атеист и рационалист, старый князь Болконский на подсознательном, скорее всего, уровне (здесь автор диалектику души утаивает) прибегает к магии, когда приближается катастрофа. Он приказывает закидать снегом дорогу, чтобы предотвратить нежелательное сватовство Анатоля, велит Алпатычу купить новые задвижки к дверям, когда начинается война (открытые двери означали войну ещё в античном мире). Перед смертью просит дочь надеть белое платье, т. е. даёт ей разрешение на замужество. Ту же провокационную магию практикует князь Андрей, когда перед смертью предлагает Наташе научиться вязать: рукоделие – магический оператор воздействия на судьбу и обретения потомства; Наташе будет обеспечено счастливое замужество.

Юнгианские аналитики полагают, что во время войн усиливается интерес читателей к Гомеру, Шекспиру и Л. Толстому (полный перевод «Махабхараты» на европейские языки ещё не осуществлён, иначе эта поэма, без сомнения, пополнила бы список). Эти тексты открывают вечное, архетипическое в «противном человеческому разуму и всей человеческой природе событии»². Таково терапевтическое и компенсаторное значение выраженной в этих текстах историософии, позволяющее «выйти из времени», по известному выражению М. Элиаде, и ощутить себя не только в истории, но и в вечности. Архетипическое открывается благодаря имплицитному воспроизведению архаического ритуала, направленного на приобщение к вечному возвращению. Поэтому так велико значение архаического ритуального кода в идейной структуре этих произведений. Каков же «основной миф» «Войны и мира»? Главная идея толстовского творчества – танаторчество, выражающееся 1) в дерзком замысле соз-

¹ Керлот Х. Э. Словарь символов / пер. Н. А. Богун. М.: REFL-book, 1994. С. 393.

² Толстой Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 11. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1940. С. 3.

дать такой проект вечного мира, который бы в самой «человеческой природе» уничтожал стремление к войне, т. е. к убийству, как «противное природе», и 2) в поиске достижения бессмертия через инициацию.

Изображение кульминационного события, Бородинского сражения, построенное как ряд эпизодов, занимающих 10 глав второй части третьего тома, имеет свою вершинную точку – это седьмая по счёту глава из десяти, в которой обстоятельства ранения князя Андрея и вся позиция его полка, не сдвинувшегося с места под ураганным огнём неприятеля, осмыслены не только в терминах воинской доблести, но и в ключе архаического ритуала прекращения войны, похожего на т. н. «хождение по меже» (рядом с межей стоит князь Андрей, когда падает граната; согласно С. В. Максимову, в русской деревне ритуал «хождения по меже» использовался при разного рода территориальных спорах до начала XX в.). После этого архаического ритуала, потребовавшего самопожертвования Болконского (вождь или жрец, шедший по меже, не имел права отступить ни на шаг), следует христианское прощение князем Андреем Анатоля, толстовское посрамление Наполеона и завершающая глава – вывод о нравственной победе русских.

Предсмертный сон князя Андрея о двери, за которой смерть, отражает сновидческий опыт самого Толстого и, как и другие репрезентанты мотива двери, связанного в «Войне и мире» с образами Николая и Андрея Болконских, не только высвечивает инициационный, обрядово-переходный смысл мотива, но и отсылает к обычаю закрывания двери в момент окончания войны. Наконец, мотив двери и столь же значимый в образе князя Андрея мотив свечи проецируются на соответствующую евангельскую семантику (недаром даже в «Эпilogue» упомянута постоянно горящая «лампадка» в комнате Николенки, а его слова, обращённые к отцу, звучат как перифраз евангельского текста).

«Если жизнь свою князь Андрей проживает как Воин и Герой, то смерть он встречает как Праведник», – замечает

Г. М. Ибатуллина [5, с. 143]. Сюжетная линия князя Андрея «определяется логикой инициации, связанной с постижением высших духовных планов бытия» [5, с. 145], историософский же смысл творения Толстого состоит в том, что «Отечественная война 1812 г. интерпретируется как общенациональная инициация» [5, с. 145]. К этому можно добавить, что инициация состоит именно в обретении знания о том, как преодолеть войну, убийство, насилие (не только в конкретной исторической ситуации, но и в дальнейшем развитии всего человечества). По мысли В. Я. Линкова, «Войну и мир» можно назвать «христианской эпопеей» [7, с. 110], и с этим можно согласиться, т. к. очень многое в ней обнаруживает общность с христианской сотериологией и восходит к библейскому тексту (тема Отца и Сына, мотив вольной жертвы, антропонимические переключки, аллюзии, цитаты и т. д.). Определение «христианская эпопея» ценно и тем, что подчёркивает религиозный и даже проповеднический, учительный смысл произведения. Но христианскими концептами и ценностями, как считают исследователи, «Война и мир» не ограничена; в этой не только христианской эпопее актуализируются идеи индуизма, буддизма и даже языческие ритуалы.

Заключение

«Попытки искусственно привязать Толстого к какой-либо религиозной традиции, определить его тип мирозерцания как христианский, буддийский или даже атеистический» [13, с. 178] идут в ущерб пониманию его творчества, как замечает Ю. В. Прокопчук. Привлечение широкого жанрового, религиозного и мифо-ритуального контекста для рассмотрения вопроса о жанре «Войны и мира» обусловлено тем, что «Война и мир» выступает полижанровым явлением и, более того, не исчерпывается эстетическим аспектом. Это не исторический роман и не роман-эпопея в той же степени, в какой исторической эпопеей не являются

ни Библия, ни «Махабхарата». Это близкий к религиозно-дидактическому эпосу жанр.

Интегрируя евангельские смыслы и восточные этико-философские принципы, «Война и мир» являет собой модель священной книги той «практической религии», основой которой Толстой наметил целью своей жизни ещё в Севастополе. Исторический смысл «Войны и мира» не только в эпопейном соединении личных судеб героев с ходом истории и даже не в особом характере этого соединения, который всеми признаётся как новаторство, но в том, что эпос Толстого о наполеоновском нашествии на Россию и о том отпоре, которое оно получило, приобретает черты проекта вечного мира. В «Войне и мире» есть скрытые и явные отсылки к философам – авторам таких проектов: это и Платон, и Гердер, и Кант, и масоны. Таким образом создаётся ещё один жанровый контекст – философский. Но Толстой строит свой самостоятельный проект на идеях христианско-буддийского ненасилия и нравственной победы, обогащённых индуистским принципом «незаинтересованного деяния».

Историзм, этот фетиш исторического романа, интересует Толстого очень мало. Модернизация сознания главных героев, на что сразу же указали критики, отступления от исторических фактов (даже сроки появления кометы указаны неправильно), игнорирование многих исторических событий (войн России со Швецией и Ираном, например), «искажения» в обрисовке исторических деятелей, многочисленные хронодривги (авторов исторических романов часто упрекают за такие недосмотры) –

все эти черты поэтики «Войны и мира» говорят о том, что для Толстого история России эпохи наполеоновских войн была метаисторией, а поле Бородина – сакральным локусом. Валтасар, как и Наполеон, – историческое лицо, но «пир Валтасара» в Библии имеет совершенно определённую семантику, и никто не высказывает упреков, что Валтасар изображён не таким, каким он был «на самом деле». Курукшетра – вполне определённая область к северу от Дели, битва на Курукшетре в «Махабхарате», как и сражения под стенами Трои, имела реальную основу в древней истории, но никому не приходит в голову уличать гомеровый или индийский эпос в отступлениях от «реальных фактов».

Да, Толстой не отрицал своего исторического замысла, изучал исторические труды, архивы, мемуары, свидетельства очевидцев. Но историческим замыслом он не ограничивался. *«Лучшее выражение философии есть История»*¹ (курсив Толстого. – Е. П.), – записал Толстой в дневнике ещё в 1852 г. В «Войне и мире» «сама историософская мысль является ритуально ориентированной, направленной не столько на изображение исторических событий, сколько на инициационное для современника и вообще читателя приобщение к времени и пространству, движению эпох и “вечному возвращению»» [12, с. 328]. Жанровая прагматика инициатически-историософского религиозного эпоса Толстого обращена к его современникам и задаёт образный код ориентации современного человека в истории.

Статья поступила в редакцию 22.08.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апостолов Н. Н. Лев Толстой над страницами истории. М.: Комиссия по ознаменованию столетия со дня рождения Л. Н. Толстого, 1928. 296 с.
2. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Просвещение, 1968. 302 с.
3. Гей Н. К. О поэтике романа («Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение») // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 2. С. 121–132.
4. Гринцер П. А. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Древнеиндийская литература. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2008. 548 с.

¹ Толстой Л. Н. Дневник. 12 июня 1852 г. // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 90 т. Т. 46. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1937. С. 123.

5. Ибатуллина Г. М. Историсофский миф в контекстах русской литературы XIX века: И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой. М.: Флинта, 2020. 160 с.
6. Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и вѣяние (критический этюд). М.: тип. В. М. Саблина, 1911. 152 с.
7. Линков В. Я. «Война и мир» Л. Н. Толстого. М.: Московский университет, 2018. 111 с.
8. Манн Т. Искусство романа. Лекция, прочитанная студентам Принстонского университета / пер. Е. Эткинда // Манн Т. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 10. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 272–287.
9. Назиров Р. Г. Эпическая основа «Войны и мира» [Электронный ресурс] // Назировский архив (электронный научный журнал). 2013. № 1. URL: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/NA_2013_1.pdf (дата обращения: 28.08.2023).
10. Недзвецкий В. А. Русский социально-универсальный роман XIX века. М.: Диалог-МГУ, 1997. 264 с.
11. Полтавец Е. Ю. «Война и мир» Л. Н. Толстого на фоне религиозно-дидактического эпоса // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2014. № 4. С. 101–122.
12. Полтавец Е. Ю. Мифо-ритуальная основа русского историсофского романа («Капитанская дочка» А. С. Пушкина и «Война и мир» Л. Н. Толстого) // Лев Толстой: литература и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. С. 322–337.
13. Прокопчук Ю. В. Религиозность Льва Толстого и Альберта Швейцера // Лев Толстой: философская перспектива. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. С. 178–193.
14. Л. Н. Толстой: нравственный поиск и творческая лаборатория / отв. ред. А. В. Гулин. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 480 с.
15. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / под. ред. В. Г. Андреевой. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. 512 с.
16. Хализев В. Е., Кормилов С. И. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: Высшая школа, 1983. 112 с.

REFERENCES

1. Apostolov N. N. *Lev Tolstoj nad stranicami istorii* [Leo Tolstoy over the Pages of History]. Moscow, Commission to commemorate the centenary of the birth of L. N. Tolstoy Publ., 1928. 296 p.
2. Gachev G. D. *Soderzhatel'nost' hudozhestvennyh form. Epos. Lirika. Teatr* [Content of Artistic Forms. Epic. Lyrics. Theater]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 302 p.
3. Gej N. K. [On the Poetics of the Novel (“War and Peace”, “Anna Karenina”, “Resurrection”).] In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka* [News of the USSR Academy of Sciences. Literature and Language Series], 1978, vol. 37, no. 2, pp. 121–132.
4. Grincer P. A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 1: Drevneindijskaya literatura* [Selected Works. T. 1: Ancient Indian literature]. Moscow, Russian State University for the Humanities, 2008. 548 p.
5. Ibatullina G. M. *Istoriosofskij mif v kontekstah russkoj literatury XIX veka: I. S. Turgenev, F. M. Dostoevskij, N. S. Leskov, L. N. Tolstoj* [Historiosophical Myth in the Contexts of Russian Literature of the 19th Century: I. S. Turgenev, F. M. Dostoevsky, N. S. Leskov, L. N. Tolstoy]. Moscow, Flinta Publ., 2020. 160 p.
6. Leontyev K. N. *O romanah gr. L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i vnyanie (kriticheskij etjud)* [About Novels of L. N. Tolstoy. Analysis, Style and Trends (Critical Study)]. Moscow, Sablin V. M.'s Publ., 1911. 152 p.
7. Linkov V. Ya. “*Vojna i mir*” L. N. Tolstogo [“War and Peace” by L. N. Tolstoy]. Moscow, Moscow University Publ., 2018. 111 p.
8. Mann T. Die Kunst des Romans (Rus. ed.: Etkind E., transl. *Iskusstvo romana. Lekciya, pročitannaya studentam Prinostonskogo universiteta*). In: Mann T. *Sobranie sochinenij*. T. 10 [Collected Works. Vol. 10]. Moscow, State Publishing House of Fiction, 1961, pp. 272–287).
9. Nazirov R. G. [The Epic Basis of “War and Peace”]. In: *Nazirovskij arhiv (elektronnyj nauchnyj zhurnal)* [Nazirovsky Archive (Electronic Scientific Journal)]. 2013. № 1. Available at: http://nevmenandr.net/nazirov/journal/NA_2013_1.pdf (accessed: 28.08.2023).
10. Nedzveckij V. A. *Russkij social'no-universal'nyj roman XIX veka* [Russian Social-Universal Novel of the 19th Century]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1997. 264 p.
11. Poltavets E. Yu. [“War and Peace” by L. N. Tolstoy against the Background of a Religious-Didactic Epic]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology], 2014, no. 4, pp. 101–122.
12. Poltavets E. Yu. [Mythological and Ritual Basis of the Russian Historiosophical novel (“The Captain’s

- Daughter” by A. S. Pushkin and “War and Peace” by L. N. Tolstoy]. In: *Lev Tolstoj: literatura i filosofiya* [Leo Tolstoy: Literature and Philosophy]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2020, pp. 322–337.
13. Prokopchuk Yu. V. [Religiosity of Leo Tolstoy and Albert Schweitzer]. In: *Lev Tolstoj: filosofskaya perspektiva* [Leo Tolstoy: Philosophical Perspective]. Moscow, St. Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2022, pp. 178–193.
 14. Gulin A. V., ed. *L. N. Tolstoj: npravstvennyj poisk i tvorcheskaya laboratoriya* [L. N. Tolstoy: Moral Search and Creative Laboratory]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2021. 480 p.
 15. Andreeva V. G., ed. *Fenomen epicheskogo romana v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij* [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022. 512 p.
 16. Halizev V. E., Kormilov S. I. *Roman L. N. Tolstogo “Vojna i mir”* [Roman L. N. Tolstoy “War and Peace”]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1983. 112 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полтавец Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета;
e-mail: nedzvetsky@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Poltavets – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Philology, Institute of Humanities, Moscow City University;
e-mail: nedzvetsky@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Полтавец Е. Ю. «Война и мир» Л. Н. Толстого: полижанровый контекст, эпос, миф и ритуал // Отечественная филология. 2023. № 4. С. 21–33.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-21-33

FOR CITATION

Poltavets E. Yu. L. N. Tolstoy’s “War and Peace”: Multigenre Context, Epic, Myth and Ritual. In: *Russian Studies in Philology*, 2023, no. 4, pp. 21–33.
DOI: 10.18384/2949-5008-2023-4-21-33